

Заговор и цареубийство 11 марта 1801 года

Ю.А. Сорокин

События 11–12 марта 1801 г. изучены в литературе весьма основательно. Многие авторы мемуаров об эпохе Павла I (Людовик XVIII, Евгений Вюртембергский, А.М. Тургенев, Е.Р. Дашкова, Э. фон Ведель, А.С. Тучков, Ф.Ф. Вигель, Н.И. Греч), рассуждая о заговоре и цареубийстве, выводили сам этот факт из негативных качеств императора. Спектр оценок при этом неширок: от утверждения об изначальной неспособности Павла Петровича царствовать в силу непривлекательных качеств, дурной наследственности и сумасшествия до отрицания его политических методов и неприятия тех целей, которые ставил перед собой этот государь¹. Как заметил Б.С. Глаголин, цареубийство 11 марта «старательно похоронено под клеветнический шелест мемуаров»².

Историкам возможность высказаться на этот счет минуя цензурные ограничения открыла, по сути дела, революция 1905 года. Кризис русского самодержавия наложил отпечаток на их построения. Во-первых, проблема утратила сугубо академический характер и приобрела практический смысл. Во-вторых, отношение историков к личности любого конкретного самодержца определялось теперь отношением к монархии вообще³.

В советской историографии в силу утвердившихся негативных оценок личности Павла I действия заговорщиков если не оправдывались, то и не осуждались. Потребовалась многолетняя деятельность С.Б. Окуня и Н.Я. Эйдельмана, чтобы придать научный характер знаниям о кровавых событиях ночи на 12 марта 1801 года. Но, поскольку взгляды Эйдельмана изложены в весьма популярной монографии, а точка зрения Окуня — прежде всего в статьях, опубликованных мизерным тиражом, и учебных курсах, в исторической литературе последних трех десятилетий получили наибольшее признание именно суждения Эйдельмана.

В литературе признается влияние — разумеется, опосредованное — так называемой эпохи дворцовых переворотов (1725–1762 гг.) на события 11–12 марта⁴: расшатывался авторитет и обаяние монархии, вера в неприкосновенность личности помазанника Божьего канула в Лету. Принципы европейского Просвещения к началу XIX в. поставили под сомнение (если не уничтожили вовсе) сакральный смысл монархии: если личность государя препятствует достижению общего блага, подданные получают право на неповиновение, и как далеко это неповиновение будет простираться, зависит от

Сорокин Юрий Алексеевич — доктор исторических наук, профессор Омского государственного университета.

многих факторов. Дворцовые перевороты оказывали деморализующее влияние на заговорщиков и общество в целом. Почти никто не становился на сторону низвергнутого, изгнанного, заключенного или убитого государя или вельможи, торжествовало право сильного, открыто попирались права и традиции, освященные веками, возобладал принцип «горе побежденным». Люди, сохранившие верность низложившему монарху, подвергались всеобщему осмеянию. Их просто не понимали. После 11 марта 1801 г. подали в отставку лишь трое: П.Х. Оболянинов, И.П. Кутайсов и генерал Эртель⁵. Верноподданнический долг утрачивал свою самодовлеющую ценность и приобретал значение только применительно к текущему царствованию. Служили государю и только государю; естественно, при этом сама смена государей на престоле становилась непринципиальной.

Отметим также правовой нигилизм русского общества XVIII в., имевший глубокие корни. В России каждый предпочитал отвечать не по закону, а по совести. Соответственно, являлось много претендующих на право судить не по законам; в эпоху дворцовых переворотов это «право» стало распространяться и на особу государя. Мнение же о государе, а отсюда и социальное настроение, основывались в значительной степени на слухах и сплетнях⁶. В правящих кругах об этом были прекрасно осведомлены. Со времен Екатерины II (и с ее санкции) полиция иногда сама распускала слухи, чтобы «прислушаться к народному мнению»⁷. Итак, социальным настроением русского общества в конце XVIII — начале XIX в. можно было манипулировать. Способы и средства для этого были уже испытаны: слухи 1801 г. — лишь калька со слухов 1762 года.

Дворцовый переворот 1801 г. не являлся обычным для России заговором против императора. «В нем можно усмотреть... не только борьбу за власть, характерную для эпохи дворцовых переворотов вообще, — писал Окунь. — Имела место своеобразная «слойка заговоров», соединившихся в единую организацию, в которой в конечном счете восторжествовали эгоистические желания, обусловившие превращение государственного переворота в своеобразную расправу над личностью правителя и замену его другим». Он полагал, что цареубийство 11 марта вызвало неизгладимые для России последствия. Этим его позиция отличалась от мнения многих авторов, в том числе и Эйдельмана, видевших в данном событии лишь эпизод — пусть и трагический. Окунь замыслил и монографию: «Цареубийство 11 марта 1801 года». Судя по сохранившемуся плану, Окунь, очевидно, выделял в «слойке заговоров» по крайней мере четыре начала:

1. Заговор дворянской фронды, который историк связывал прежде всего с именем Н.П. Панина. (В литературе его считают убежденным адептом аристократической конституции, сторонником ограничения абсолютной власти императора. В этом случае естественна апелляция графа Никиты Петровича к наследнику, великому князю Александру, который только и мог дать гарантии принятия такой конституции);

2. Английский заговор, увязанный с именами Ч. Уитворта, английского посла в Петербурге, и С.Р. Воронцова, русского посла в Лондоне;

3. Заговор «жаждущих прочности» (П.А. Пален — Л.Л. Беннигсен);

4. Заговор обиженных и мечтающих о реставрации екатерининских времен (П.А. Зубов)⁸.

Нетрудно заметить, что заговор объединил самых разных людей, преследующих различные цели; среди заговорщиков и персоны, стоявшие еще в оппозиции Екатерине II, и ее апологеты, и «просвещенные циники», готовые рискнуть ради «карьеры и фортуны», и просто полупьяные гвардейцы, которым было все равно, с кем идти. С.В. Вознесенский полагал, что среди заговорщиков были люди, представлявшие Александра Павловича, прежде всего адъютант великого князя П.М. Волконский и генералы Ф.П. Уваров и П.И. Талызин⁹.

Главой заговора, по общему мнению, был граф П.А. Пален, занимавший должность петербургского военного губернатора. Много знавший писа-

тель и дипломат А. Коцебу подчеркивал, говоря о Палене: «С ним во главе революция была легка, без него почти невозможна». Пален выдвинулся благодаря тому, что его жена, Юлиана Ивановна, была подругой юности графини Ш.К. Ливен, возглавлявшей немецкую партию при дворе. Пален искусно демонстрировал свой якобы благородный, прямолинейно-солдатский характер, прекрасно понимая, что именно этим он может понравиться государю. «Ливонский шведо-пруссак», как называл его Воронцов, сделал головокружительную карьеру как за счет «понимания обстановки», так и за счет талантов, из которых главнейший — способность вести интригу. Мотивы его участия в заговоре, по мнению Коцебу, таковы: «Самый блестящий день не представлял Палену ружейства в спокойной ночи, так как завистники его всегда бодрствовали»; он «желал безопасности»¹⁰. Эти же мотивы участия Палена в заговоре признавал и Окунь; эту мысль разделяли также Эйдельман и многие другие историки.

Иначе оценил роль Палена видный специалист по павловской эпохе Е.С. Шумигорский. К сожалению, выдвинутые им положения не получили дальнейшего развития и почти забыты. Сравнительно часто историки обращаются к его монографии «Павел I. Жизнь и царствование» (СПб. 1907). Между тем после ее издания Шумигорский изменил свой взгляд на события, предшествовавшие цареубийству. В блестящей статье 1913 г. он указывал, что Пален, будучи бешеным честолюбцем и «практическим циником», вынашивал планы поистине грандиозные: он надеялся привлечь к заговору великого князя Александра, подчинить его полностью своему влиянию, скомпрометировать наследника самим фактом участия в заговоре, убийством Павла расчистить Александру путь к престолу, обеспечить ему корону и затем превратить молодого императора в свою марионетку, прибегая при случае и к шантажу. Пален добился также, чтобы его супруга, Ю.И. Пален, подчинила своему влиянию великую княгиню Елизавету Алексеевну, жену наследника. Таким образом, по Шумигорскому, Пален не просто желал безопасности, а стремился править Россией после убийства Павла, используя молодого императора как ширму, камуфляж своей власти¹¹.

Очень энергичен был английский посол Чарлз Уитворт, сумевший за 12 лет своего пребывания в России установить прочные связи с русской аристократией, двором, гвардией. Роль английской дипломатии вообще и Уитворта в частности представляется огромной. Требовалось ли Англии губить Павла? Обратимся к фактам.

К концу 1799 г. ее отношения с Россией резко ухудшились, одновременно наметилась возможность сближения России с Францией, причем Наполеон был в этом весьма заинтересован: готовясь к войне с Англией, он желал укрепить свои позиции на континенте. Павел видел, что крах антифранцузской коалиции и государственный переворот 18 брюмера открывали возможность покончить с революцией руками Наполеона. Предполагаемый русско-французский альянс весьма тревожил Лондон. Уитворт получил инструкции воспрепятствовать сближению Петербурга и Парижа. Депеши посла своему правительству¹² являются основным источником по данному вопросу.

Первоначально Уитворт попытался опереться на князя А.Б. Куракина и Е.И. Нелидову, а после их опалы — на графа Панина и О.А. Жеребцову, урожденную Зубову, родную сестру знаменитых братьев Зубовых, один из которых — Платон Александрович — был последним фаворитом Екатерины II. Английскому влиянию противостоял Ф.В. Ростопчин, личный враг Панина.

Приняв решение сблизиться с Наполеоном, Павел I медлить не стал и, поскольку сближение с Францией почти автоматически означало ухудшение отношений с Англией, предпринял ряд соответствующих шагов. Посол Воронцов получил приказ покинуть Лондон¹³. 4 мая 1800 г. он представил лондонскому двору действительного статского советника Лизакевича, вверил ему посольский архив и уехал на континент. 17 сентября 1800 г. Лизакевич получил пакет: Ростопчин уведомлял его, что наложено эмбарго на все имущество англичан в России, и предлагал немедленно уехать. Лизакевич мо-

ментально собрался, занял в банке 250 фунтов, сам себе выписал паспорт на вымышленное имя, передал архив на хранение священнику Я.И. Смирнову и уже 18 сентября тайно покинул Лондон, рассчитывая уехать в Данию. Смирнов на запросы англичан должен был отвечать, что Лизакевич «уехал в деревню». 29 сентября 1800 г. Павел возложил на Смирнова обязанности поверенного в делах. Это был откровенный эпатаж, тем более что никаких верительных грамот Смирнов не получил. Лондон не признал его полномочий, за священником был учрежден тайный надзор. Смирнов доносил: «Если двинусь — посадят в тюрьму»¹⁴. Итак, к осени 1800 г. Россия и Англия находились уже на грани разрыва дипломатических отношений.

С 1800 г. Пруссия, а затем и Дания призывали Россию к восстановлению «Северного аккорда», то есть к восстановлению «декларации о вооруженном нейтралитете» (1780 г.), имевшей ярко выраженную антианглийскую направленность¹⁵. Попытки возродить «Северный аккорд» вызвали в Лондоне негодование.

Случай заставил Павла I поторопиться с принятием соответствующего решения. 13 июня 1800 г. при входе в Ла-Манш англичане остановили караван датских торговых судов, следовавших под конвоем военного фрегата «Фрея» во главе с капитаном Крабе, потребовав осмотра судов на предмет поиска контрабанды. Крабе с негодованием отказался выполнить это требование. Англичане открыли огонь, и после 25-минутной бомбардировки «Фрея» спустила флаг и была захвачена англичанами. Пиратская акция вызвала в Копенгагене резкую реакцию. По поручению своего правительства датский посол в России граф Розенкранц 8 августа донес о пиратстве англичан Павлу I. Одновременно он зондировал почву, выясняя, до какой степени Дания может рассчитывать на помощь России. Павел Петрович соглашался принять под свое покровительство нейтральную торговлю, но выставил два условия. Во-первых, Дания брала на себя обязательство «разделить взгляды России» на этот счет, то есть следовать в кильватере русской внешней политики. Во-вторых, он желал, чтобы к декларации присоединились Швеция, Пруссия и, возможно, Турция.

2 октября 1800 г. Павел утвердил записку Ростопчина, излагавшую новые принципы русской внешней политики. В частности, об Англии в ней говорилось: «Англия среди повсеместных своих успехов, возбуждая зависть всех кабинетов своею алчностью и дерзким поведением на морях... не могла сохранить ни одной из политических связей своих... Вооружила угрозой, хитростью и деньгами все державы против Франции и выпускала их на театр военных действий единственно для достижения своей цели; овладела тем временем торговлею целого света и, не довольствуясь и сим, присвоила себе право осматривать корабли всех земель и, наконец, дерзнула завладеть Египтом и Мальтою»¹⁶.

Противостояние Англии и сближение с наполеоновской Францией становились после одобрения записки Ростопчина принципиальным направлением русской внешней политики. Конфликт с Англией стремительно нарастал. 4 декабря 1800 г. Россия подписала с Данией конвенцию о втором вооруженном нейтралитете; 6 января 1801 г. — аналогичное соглашение с Пруссией. Принципы вооруженного нейтралитета формулировались много жестче, чем при Екатерине II: если командир конвоя заявлял, что контрабанды нет, осмотр невозможен. В этих документах отразилось стремление Павла бороться пока с Англией посредством «общеизданных и общепринятых юридических норм»; к таковым относилось и эмбарго на английские товары.

Первое эмбарго, введенное еще 25 августа 1800 г., продержалось всего три дня. Очевидно, этим лишь демонстрировалась готовность России к таким мерам. Второе эмбарго вводилось 23 октября как реакция России на захват англичанами Мальты. Английские магазины в Петербурге опечатывались, английские купцы обязывались представить описание своего имущества и капиталов — «имения своего балансы». 19 ноября последовал указ о «невпуске английских кораблей в Россию», 22 ноября — указ о приостановлении

выплаты долгов англичанам, а для расчетов с ними учреждались ликвидационные конторы в Петербурге, Риге и Астрахани. Суда англичан были задержаны в Кронштадте, экипажи сосланы в Тверь, Смоленск и другие города. Английский консул А. Шерп вынужден был организовать покупку кибиток, теплого платья, давать деньги, а в Лондон секретно сообщал, что «положение дел достигло крайних пределов и в скором времени должно измениться»¹⁷.

Параллельно шло сближение России с извечным врагом Англии — Францией. С августа 1800 г. шли интенсивные переговоры, в ноябре Павел посоветовал маркизу Траверсе быть готовыми бороться с Англией. Одновременно принимались энергичные меры по укреплению Кронштадта и мобилизации балтийского флота. Русские послы, аккредитованные при европейских дворах, получили принципиальное указание энергично противоборствовать англичанам. Генерал П.К. Сухтелен, имевший от государя поручение осмотреть действующие российские крепости и разработать план строительства новых, получил письмо лично от Павла Петровича — предписание принять меры для защиты Соловецкого монастыря. Адмиралу Макарову Павел I повелел: «Извольте отправиться в Ревель и принять в команду свою ревельское отделение флота; вооружив оное, с поспешностью выйти на рейд и расположиться в линии так, чтобы быть готову по теперешним обстоятельствам. Буде бы англичане вздумали сделать какое-либо покушение на Ревель, или Кронштадт, или иное место, чтоб быть во всякой готовности сему воспрепятствовать. Павел». Одновременно предпринималась подготовка к походу на Индию, то есть туда, как выразился Павел, «где удар им может быть чувствительнее и где меньше ожидают». Кроме того, в письме от 15 ноября 1800 г. Павел, обращаясь к Наполеону, просил последнего «сделать что-нибудь на берегах Англии»¹⁸.

Естественно, Лондон должен был принять ответные меры; суровость их нарастала как снежный ком. Из Лондона выслали русского генерального консула Бакстера, просидевшего на этом месте 30 лет. 5 декабря 1800 г. в Портсмуте задержано русское судно «Благонамеренный», что стало поводом для общего эмбарго, а с 11 января 1801 г. английское эмбарго было распространено на датские и шведские суда. 28 февраля 1801 г. английская эскадра во главе с адмиралами Паркером и Нельсоном отправилась на Балтику для атаки 12 русских военных судов, зимовавших в Ревеле¹⁹. Но Англии не нужна была война с Россией. Во-первых, успех был проблематичен, а победа, учитывая географические условия, вообще невозможна, по крайней мере силами британского флота. Во-вторых, война превращала, как выражался Ростопчин, мировую торговлю в лотерею, что весьма существенно ущемляло интересы Англии. В-третьих, русско-французский союз, неминуемо укреплявшийся в ходе русско-английского конфликта, нес смертельную угрозу для Британской империи. В силу этого экспедиция Паркера и Нельсона выглядит более демонстрацией военной мощи Англии, нежели масштабной военной операцией. Противостоять франко-русскому союзу у Лондона просто не хватало ресурсов. Английское правительство вынуждено было искать иные пути для защиты британских интересов, помимо вооруженного конфликта.

Зная личные качества российского императора Павла I, английское правительство воздерживалось от дипломатических средств давления. Едва ли не единственную возможность предотвратить смертельно опасное для Британии русско-французское сближение и остановить эскалацию конфликта России с Британской империей открывало устранение Павла Петровича от власти, и именно путем заговора, так как легитимных средств для этого не имелось. При этом гарантированный успех англичанам могло принести только царевубийство, так как ограничение, к примеру, власти Павла аристократической конституцией или даже его тюремное заключение ни в малейшей степени не достигало цели. Требовалась также уверенность в проанглийской ориентации наследника. Такая уверенность у английской дипломатии, похоже, была и, как показали дальнейшие события, не напрасно.

Отсюда и проистекает активность Уитворта по сколачиванию антипавловского заговора. Английский посол, естественно, обратил свое внимание на Н.П. Панина и вице-адмирала О.М. де Рибаса. Граф Никита Петрович — убежденный англоман, сторонник аристократической конституции, близкий наследнику человек. О нравственных качествах Панина современники были невысокого мнения. Его считали человеком холодным как лед, эгоистом. В письме Воронцову Ростопчин писал: поведение Панина «заслуживает презрения честных людей и удивления негодяев. По законам его следовало бы повесить»²⁰. Более хитер и непроницаем де Рибас, посевший, по словам Шумигорского, в предательстве и придворных интригах, уверенный, что, какие бы изменения ни произошли, он сумеет извлечь из них пользу для себя²¹. Когда Уитворт уехал из Петербурга, Панин хлопотал, чтобы на его место был назначен некто Гарлике, единственный из английских дипломатов, которому Панин мог доверять лично. Таким образом, Панин приобрел для Лондона такое значение, что мог уже влиять на выбор посла Англии в России²².

Согласимся с Шумигорским, что против разрыва с Англией выступали: весь дипломатический корпус (а так как послы назначались из наиболее родовитых фамилий — то русская аристократия в целом, а также контролируемые ею двор, гвардия и т.п.); многочисленные эмигранты-французы, ненавидевшие свою революционную родину; католическое духовенство; Вюртембергское семейство, в частности, родные братья императрицы; правительство и министры; наконец сама Мария Федоровна. Настроения общества, таким образом, определились не в пользу Павла Петровича.

Принято к тому же считать, что конфликт с Англией больно ущемлял экономические интересы русского дворянства, сбывавшего продукцию своих имений прежде всего в Британию. Советские историки полагали, что русское дворянство, опасаясь за свой карман, дружно выступило против конфликта с Англией, а следовательно, и против сближения с Францией.

И все же вопрос о причинах заговора разрешим лишь в плоскости отношения дворянства (прежде всего столичного) к своему монарху. Необходимо разобраться, почему гвардейское офицерство и петербургское чиновничество так ненавидели Павла I. Сами участники цареубийства, как и многие современники, пытаясь оправдать расправу над Павлом, изображали его сумасшедшим. А.Ф. Ланжерон приводил слова П.А. Палена об «исступленности безумия» государя. Уитворт доносил в Лондон, что император «в буквальном смысле лишился рассудка». Мысль о безумии императора обосновывается во многих мемуарах. Еще с 1762 г., с почина Екатерины II, в обществе формировалось негативное отношение и к способностям Павла и к его душевным качествам. Уничжая сына, пытались возвеличить мать. Язвительные насмешки, сплетни, зачастую откровенно вздорные, — все было пушено в ход. Участие в заговоре не к лицу лояльному дворянину, поэтому тезис о сумасшествии Павла появился весьма кстати. М. Леонтьев писал в мемуарах: «Нельзя было не убить Павла, ибо тогда следовало его представить перед Синодом и Сенатом и доказать, что он сумасшедший, что было бы весьма затруднительно»²³. Из посылки о душевной болезни государя не просто выводилось оправдание событий 11—12 марта, но и ставилось под сомнение само наличие заговора. Речь шла всего лишь об изоляции от общества больного, сумасбродного тирана: так как в России не имелось закона о регентстве и Павла нельзя было лишить престола на легальном основании, то оставалось, мол, только убийство.

Целью заговора называли спасение отечества, изнемогавшего под гнетом тирании Павла. «Весь государственный и правовой порядок был перевернут вверх дном, — писал о его правлении А.М. Тургенев, — все пружины государственной машины были поломаны и сдвинуты с мест, все перепуталось»²⁴. Эта мысль дополнялась тезисом об огромной опасности, угрожавшей императорской фамилии (прежде всего наследнику, Александру Павловичу), которую возможно было спасти лишь одним путем — «избавив мир от чудовища».

Современники признавали в качестве причин заговора и цареубийства также недовольство в армии и гвардии «гатчинскими» порядками, жестокий цензурный гнет, разрыв с Англией. Осторожно намекалось на важную «идеологическую» причину — желание конституции. В этом случае заговор имел целью, если верить мемуаристам, не просто убийство или отречение Павла, но введение конституции, якобы гарантированное Александром²⁵.

Рассуждая о причинах гибели Павла I, историки дополнили выводы мемуаристов важными положениями о неудачной сословной политике государя (нарушение статей Жалованной грамоты 1785 г., репрессии против офицерского корпуса, политическая нестабильность, ослабление гарантий дворянских свобод и привилегий), о сближении с Наполеоном, наконец, о принципиальной неспособности Павла Петровича управлять империей²⁶. Однако любая конкретная акция Павла I не объяснит его гибель, ибо сама есть производное от общей направленности его политики и ее идеологического обоснования. Утвердившееся в дореволюционной историографии мнение о том, что кардинальной причиной заговора является ущемление монархом общедворянских интересов, также мало что объясняет — вель российское самодержавие всегда в той или иной степени ограничивало и общеклассовые и личные интересы дворян, причем никем не доказано, что эти ограничения при Павле были сильнее, чем при Петре Великом, Анне Ивановне или Николае I.

По мысли М.М. Сафонова, к дворцовому перевороту 11 марта привело установление Павлом I «военно-полицейского режима»: усиление деспотических приемов в государственном управлении вызвало раздражение и «известную неудовлетворенность столичного дворянства». Прежде «самодержавие послушно выполняло волю господствующего класса» и дворянство «не думало ни о каких конституционных преобразованиях». Но затем «абсолютизм всем ходом социально-экономического развития был вынужден... робко поставить под сомнение незыблемость дворянских привилегий» и «господствующий класс стал сознавать необходимость определить пределы самодержавной власти». Ввиду непригодности павловских методов разрешения внутривластных противоречий выдвинулась «проблема аристократической конституции»²⁷. То есть основная причина заговора, по мнению М.М. Сафонова, есть отказ самодержавия «послушно выполнять волю господствующего класса». Но едва ли можно назвать такие периоды русской истории, когда самодержавие «послушно» выполняло волю дворянства. Объяснить заговор изменением методов проведения политики правительством Павла I также невозможно хотя бы потому, что эти методы не несут в себе ничего качественно нового, ничего такого, чего не было в России ранее.

Другое понимание причин заговора находим у М.Н. Покровского²⁸. Признавая, конечно, что самодержавие выражает интересы господствующего класса феодалов, он указывал на то, что, когда вся полнота власти сосредоточена в руках государя, то уже в силу этого большое значение приобретают его политические идеалы и личные пристрастия. С развитием бюрократии, когда на место ненадежных вассалов приходят надежные чиновники, сфера приложения личной власти монарха расширяется. Чем богаче монархия, тем больше на окружение венценосца влияют не классовые соображения, а корысть. И тогда личные конфликты дворянина и монарха разрешаются только личным путем. Следовательно, нет нужды ссылаться на какое-то особое ущемление общедворянских интересов при Павле I или политический конфликт между дворянством и императором.

Деспотизм императора оставался узколичным. В заговоре против Павла принципиальная сторона отсутствовала (несмотря на последующие заявления о необходимости спасения государства, дворянства, императорской фамилии и т.п.). Заговорщиками руководил исключительно корыстный интерес, желание либо сохранить, либо приобрести теплое местечко. Сказались, видимо, и традиции дворцовых переворотов 1725—1762 гг., хотя по своей сути, да и технике заговор 1801 г. отличается от переворотов XVIII в., на что

указывал Окунь²⁹. А.И. Герцен полагал, что 11 марта не имело никакого значения для русского освободительного движения: «Это семейная история или личное дело между Павлом и любовниками его матери, отдаленными от службы и преследуемыми из мести. Это (заговор. — Ю.С.) было делом спасения для таких людей»³⁰.

В пьесе «Павел I» Д.С. Мережковский блестяще показал, какие разные люди участвовали в заговоре, как тесно переплелись идеи борьбы с самовластием (их носителями автор считал Н.И. Бибикува и Ф.П. Уварова) с пьяным ухарством массы гвардейских офицеров, готовых на любую подлость, лишь бы сделать карьеру³¹. Заговорщики исходили из личных амбиций, но стремились придать своему конфликту с императором общественное звучание, выступая от имени всего стотысячного русского дворянства. Разумеется, отношения монарха с господствующим классом-сословием в конце XVIII в. изменились, отчасти в силу личных качеств Павла Петровича, но не настолько, чтобы дать основание для вывода об ущемлении общих интересов «благородного сословия». Что касается предположений о попытках ограничить самодержавие аристократической конституцией, то Панин — единственный из видных участников заговора, кто мог вынашивать такую идею, однако с декабря 1800 г. он находился в ссылке и фактически отошел от руководства событиями. Встречается утверждение, будто и П.А. Пален желал введения конституции, но это ничем не подтверждено и представляется сомнительным.

Инициатором, застрельщиком заговора выступил, похоже, Уитворт. Ему принадлежит сомнительная честь трансформации антипавловских настроений в обществе в нечто куда более конкретное. Он же обеспечил, по всей вероятности, контакт Палена с Паниным. Трудно сказать, когда именно Пален и Панин соединили свои усилия, но летом 1800 г. их альянс налицо. Панин, человек очень осторожный, афишировать их связь не желал. Поэтому они поддерживали контакт через Уитворта и его любовницу Жеребцову, урожденную Зубову. По свидетельству некоего Злобина, Жеребцова выходила из дома Палена то в крестьянской одежде, то с подвязанной бородой, то в нищенском платье³². Очень скоро заговорщики пришли к мысли привлечь к заговору Александра Павловича. Помимо связанных с этим личных планов Палена, были и другие мотивы: участие Александра придавало акции некое подобие законности, угроза возмездия отступала, появлялась надежда на милости в случае успеха, наконец, щедрым дождем пролились бы английские субсидии.

Александра Павловича современники и историки считали уникальным мастером двойной игры. Вот одно из многочисленных высказываний на этот счет: «Русский царь был искусным комедиантом... Наполеон иногда тоже разыгрывал комедии, но по сравнению с Александром он был просто дилетантом»³³. В.М. Далин опубликовал письмо Александра своему воспитателю швейцарцу Лагарпу от 27 октября 1797 г. (заметим, что Павел на троне — менее года. По мнению историка, подлинное письмо было уничтожено Николаем I, но сохранилась копия). Вот что писал цесаревич и наследник: «Мой отец, вступив на престол, хотел все реформировать. Начало было действительно довольно блестящим, но затем пошло все иначе. Все пошло прахом. И без того большой беспорядок только еще увеличился... Невозможно перечислить все безумие, которое совершается. Моя бедная родина находится в неопишемом состоянии: земледельцы измучены, торговля стеснена, личная свобода и благосостояние уничтожены; вот картина России; Вы можете судить, как страдает от этого мое сердце. Вы знаете мое постоянное намерение, мое стремление уйти. Но сейчас я не вижу возможности это осуществить, несчастное положение моего Отечества повернуло мои мысли в другом направлении.

Я думаю, что если когда-нибудь придет мой черед править, будет гораздо лучше, чем уехать, трудиться над тем, чтобы сделать мою страну свободной и предохранить ее от того, чтобы стать игрушкой в руках безумцев. Это

рождает во мне тысячи мыслей, и я прихожу к выводу, что это будет лучший вид революции, осуществляемой законной властью...

...Пусть небо позволит нам завершить все, сделать Россию свободной и предохранить ее от всяких покушений деспотизма и тирании. Вот мое единственное желание, и я охотно отдам все свои силы и свою жизнь во имя этой столь дорогой для меня цели»³⁴.

Критика павловского курса цесаревичем — ясная и недвусмысленная; путь же от критики режима к заговору против его главы оказался для Александра очень краток. По свидетельству великой княгини Елизаветы Алексеевны, Александр довольно рано, еще с 1798 г., пришел к убеждению в необходимости изменить характер своего поведения по отношению к отцу. Внешне оставаясь любящим сыном, он стремился сосредоточить на себе надежды всех недовольных. Это положение разделяли и Шумигорский, и Эйдельман, и Окунь, и многие другие. Итак, заговорщикам был нужен наследник, Александру нужны заговорщики, готовые расчистить ему путь к престолу.

Панин и Пален начали с Александром осторожную переписку. Александр имел с графом Никитой Петровичем конспиративное свидание в бане, куда Панин пришел с пистолетом в кармане. Тема переговоров при встрече: регентство Александра при якобы сумасшедшем Павле³⁵. Однако 15 ноября 1800 г. Панин был уволен с поста вице-канцлера, а 18 декабря вовсе отставлен от службы с приказом выехать из Петербурга. Сохранилось собственноручное распоряжение Павла I от 29 января 1801 г.: приказано «отослать гр. Панина подальше, чтобы ни языком, ни пером не врал». 7 февраля 1801 г. приказание продублировано: «Распорядиться с гр. Паниным как с лжецом и обманщиком»³⁶.

На первый план вышел де Рибас. С 14 декабря Павел приблизил его к себе, назначил помощником Кутайсова, сделал докладчиком по морским делам. Милости, пролившиеся на де Рибаса, должны были бы радовать заговорщиков, но, хорошо зная его, они понимали, что он оказался перед трудным выбором: не лучше ли милости Павла, чем полумифические и, возможно, эфемерные плоды заговора. А тут еще де Рибас, итальянец по национальности, близко сошелся с патером Грубером, резидентом Наполеона в России, будущим главой ордена иезуитов. Это испугало заговорщиков, тем более что им стало известно о содержании бесед Грубера с де Рибасом. Требовались срочные меры, поскольку все знали «предательскую натуру» де Рибаса и были уверены, что он не устоит перед искушением. Через две недели, на пятидесятом году жизни, де Рибас заболел странной болезнью. Панин не отходил от умирающего ни на шаг. К больному не пускали даже Грубера, опасаясь откровенной исповеди. По преданию, сообщенному М.Н. Лонгиновым, де Рибасу по ошибке поднесли «вредное лекарство» и он отдал Богу душу³⁷.

Уезжая из Петербурга, Панин оставив заговор в зачаточном виде, но в надежных руках. Надо полагать, его опала и отъезд благоприятно сказались на подготовке заговора, так как все противоречия между Паниным и Паленом (например, в вопросе о регентстве, о принятии конституции и т.п.) оказались снятыми. Пален, верный своей «фифигологии» (его собственное слово, образованное от слова «фига»; смысл его в наиболее общем понимании: цель оправдывает средство, все средства хороши), не разделял панинских иллюзий о Сенате, регентстве, конституции и прочем. Он — за переворот, и ему нужен был Александр как гарант и в случае удачи, и в случае неуспеха. С Паленом Александру пришлось труднее, чем с Паниным, так как нельзя уже было, как заметил сам Пален, «слушать, вздыхать и не обещать ничего».

Четыре года спустя после описываемых событий Пален откровенно рассказывал Ланжерону о дальнейших своих контактах с Александром: «Я решился, наконец, пробить лед и высказать ему открыто, прямодушно то, что мне казалось необходимым сделать. Сперва Александр был, видимо, возмущен моим замыслом... Я не унывал, однако, и так часто повторял мои настояния, так старался дать ему почувствовать настоятельную необходимость пе-

реворота, возраставшую с каждым новым безумием, так льстил ему или пугал его насчет его собственной будущности, представлял ему на выбор — или престол, или же темницу, и даже смерть, что мне наконец удалось пошатнуть его сыновнюю привязанность и даже убедить его установить с Паниным и со мной средства для достижения развязки, настоятельность которой он сам не мог не осознавать. Но я обязан, в интересах правды, сказать, что великий князь Александр не соглашался ни на что, не потребовав от меня предварительного клятвенного обещания, что не станут покушаться на жизнь его отца; я дал ему слово: я не был настолько лишен смысла, чтобы внутренне взять на себя обязательство исполнить вещь невозможную; но надо было успокоить шепетильность моего будущего государя, и я обнадежил его намерения, хотя был убежден, что оно не исполнится. Я прекрасно знал, что надо завершить революцию или уж совсем не затевать ее... Императору внушили некоторые подозрения насчет моих связей с великим князем Александром; нам это было неизвестно. Я не мог показываться к молодому великому князю, мы не осмеливались даже говорить друг с другом подолгу, несмотря на сношения, обуславливаемые нашими должностями; поэтому только посредством записок (сознаюсь — средство неосторожное и опасное) мы сообщали друг другу наши мысли и те меры, какие требовалось принять; записки мои адресовались Панину, великий князь Александр отвечал на них другими записками, которые Панин передавал мне: мы прочитывали их, отвечали на них и немедленно сжигали. ...Когда великого князя убедили действовать сообща со мной — это был уже большой выигрыш, но еще далеко не все: он ручался мне за свой Семеновский полк»³⁸.

Записки Ланжерона хорошо известны; редкая работа историка, повествующая о цареубийстве 11 марта, обходится без этого свидетельства. Но толкуют его зачастую тенденциозно. Толкование сводится к следующему: Пален, бесспорно, умный человек, хитрый, решительный и необыкновенно находчивый, стремясь сохранить и даже приумножить все благоприобретенное им на службе, привлек к заговору невинного агнца Александра, человека прекрасногодушного и далекого от мирской юдоли; настаивает на переписке с ним, собирает на наследника компромат, надеясь воспользоваться им в будущем.

При этом для многих участие Александра в заговоре — не тайна. Сам Пален старательно афишировал участие наследника. Мария Федоровна была убеждена в этом. Не была секретом и переписка Александра с Паниным и Паленом. Вскоре после заговора удаленный от дел Ростовчин писал князю Цицианову, что у него в руках был такой автограф Александра, что если бы он поднес его Павлу I, то великому князю грозила бы страшная участь. Автографы писем Александра были и у Панина; должно быть, и хитрый Пален не все письма сжег. Они рассматривались как взаимная гарантия, исключавшая измену³⁹. Таким образом, чаще всего современники-мемуаристы, а за ними и поколения историков рассматривали Александра как жертву происков заговорщиков, прежде всего Палена.

Однако события 11—12 марта и скорая расправа Александра с заговорщиками заставляют сильно усомниться в такой трактовке событий. Во-первых, Александр смог удержаться в тени вплоть до смерти отца; он сумел не принять участия в кровопролитии не только на деле, но и на словах. Во-вторых, Александр смог выдержать ожесточенную, хотя и кратковременную борьбу за власть с императрицей Марией Федоровной. Вынужденная отказаться от власти в полном объеме, она начала борьбу за влияние на сына и за место вдовствующей императрицы⁴⁰. О своем «праве на расплату» Мария Федоровна напоминала постоянно, но, будучи хорошо осведомленной об истинном положении дел, подчеркивала, даже несколько нарочито и назойливо, ангельскую сущность своего старшего сына. В письме к надежному другу С.И. Плещееву императрица писала: «Сердце мое увяло, душа моя отягощена, но я не ропщу на определение промысла; я лобызаю руку, меня поражающую. Оплакиваю мужа моего... но чувствую всю обширность своих

обязанностей: они огромны, но небо подает мне силу, чтобы их выполнить... Добрый мой сын поступает относительно меня как ангел... Мне оказывают участие и приверженность, глубоко меня трогаящие, стараются особенно выразить любовь ко мне. О, я это чувствую и ценю, и в свою очередь всем сердцем предана нации»⁴¹. Желание Александра Павловича «искупить вину» перед «страдалицей», вполне оправданное в глазах общества, открывало перед новым императором широкую возможность избавиться от участников заговора, которые не только много знали, но и на многое претендовали. В-третьих, скорая и суровая опала всех участников заговора доказывает, что Александр Павлович созрел не только для престола, но и для самостоятельного правления. Пален захотел тягаться с юным Александром в умении вести интригу — и проиграл. Расчистив Александру путь к престолу, взяв на себя самую тяжелую и опасную часть заговора (исключая непосредственно убийство Павла), Пален после 11 марта ясно осознал, что он вполне беспомощен перед юным императором, и принял свою высылку из Петербурга стоически и без всякого ропота, вполне осознавая свой проигрыш. Обнародовать имевшиеся у него компрометирующие Александра как наследника данные Пален не мог — последователя «фифигологии» перспектива лишиться головы прельстить не могла. Его удаление — лучший исход как для самого Палена, так и для Александра, не желавшего, понятно, начинать свое царствование с кровавой расправы над людьми, обеспечившими ему корону.

Кстати, и в дальнейшей деятельности молодого императора легко можно найти стремление не доводить дело до ущемления как дворянских, так и английских интересов. В борьбе за власть Александр вполне продемонстрировал силу духа и неуступчивую твердость. Достаточно сказать, что в самый день заговора Александра по требованию Павла привели к повторной присяге на верность. Александр присягнул не моргнув глазом, прекрасно понимая, что следующего утра в жизни его отца уже не будет.

Правомерно признать в Александре гения интриги. Он добился цели — императорской короны, оставаясь в глазах современников и участников событий если не в стороне от заговора («все знали всё», как заметил мемуарист), то хотя бы над ним. Хорошо зная решительность и беспощадность Палена, вполне осознавая английские интересы в деле заговора, он противился на словах цареубийству, понимая, что других вариантов развития заговора не может быть, ибо они не удовлетворят никого: ни Палена, ни англичан, ни его самого. Когда же Мария Федоровна заявила о своих претензиях на власть, то была поставлена Александром на место со всей возможной решительностью и энергией. Других же соперников не нашлось...

Вместе с Александром торжествовала Англия. 5 мая 1801 г. адмирал Нельсон писал: «Мы еще не знали о смерти Павла, мое намерение было пробиться к Ревелю, прежде чем пройдет лед у Кронштадта, дабы уничтожить 12 русских военных кораблей. Теперь я пойду туда в качестве друга»⁴². Курьер от Александра I прибыл в Лондон 1 апреля, но о воцарении Александра было в Лондоне уже хорошо известно. Весьма показательно сообщение Н.А. Саблукова: любовница Уитворта Жеребцова с точностью до дня предсказала убийство Павла I и после 11 марта немедленно выехала в Лондон⁴³. Ф.Ф. Вигель был глубоко прав, подчеркнув: «Англия без угроз губит Павла»⁴⁴. Александр I так и не решился на противостояние Англии в течение всего своего царствования.

Дореволюционные историки, стоявшие на монархических позициях, осуждали заговор (исключение — Н.М. Карамзин) и уже в силу этого не желали признавать очевидную для современников роль Александра в событиях 11 марта⁴⁵. Советские авторы, полагая, что «просвещенный абсолютизм» Екатерины II был частично возрожден Александром, и усматривая в нем едва ли не оптимальный путь развития для феодальной России, не придавали большого значения участию наследника в событиях 11—12 марта. В лучшем случае (как это делал Эйдельман) признавали сам факт участия наследника в заговоре, видя в нем жертву интриг Палена, Панина, Уитворта и

др.⁴⁶ Лишь Окунь в своей незаконченной статье сосредоточил внимание на роли Александра⁴⁷.

Современники свидетельствовали, что не было недостатка в офицерах, желавших принять участие в заговоре. Ланжерон заметил: «Офицеров очень легко было склонить к перемене царствования, но требовалось сделать очень щекотливый, очень затруднительный выбор из числа 300 молодых ветреников и кутил, буйных, легкомысленных и несдержанных»⁴⁸. А.Б. Лобанов-Ростовский сделал дополнительные примечания к запискам А. Коцебу и попытался назвать фамилии наиболее видных участников заговора. Среди них: братья Зубовы, Беннигсен, командир Преображенского полка генерал-лейтенант П.А. Талызин, командир корпуса кавалергардов генерал-лейтенант Ф.П. Уваров, генерал-лейтенант И.И. Вильде, полковой адъютант Преображенского полка поручик А.В. Аргамаков, полковник князь В.М. Яшвилль, полковник Измайловского полка В.А. Мансуров, капитан Измайловского полка А.И. Талызин, командир Семеновского полка генерал-майор Л.И. Депрерадович, генерал-майор Н.М. Бороздин, полковник Измайловского полка Н.И. Бибииков и др.⁴⁹ Общая численность заговорщиков достигала 60 человек (Саблуков полагал, что заговорщиков было 180 человек, а Ланжерон — даже 300), хотя о заговоре знало, конечно, большее число лиц⁵⁰.

Сановная аристократия, за редким исключением, не приняла участия в заговоре, как не принял в нем участия и рядовой состав гвардейских полков. Персональный состав заговорщиков, отсутствие каких-либо программных установок косвенно подтверждают вывод о личной заинтересованности каждого. Очевидно, Павел подозревал о готовящемся против него заговоре и участии в нем Александра. Княгиня Д.Х. Ливен свидетельствует, что Павел, увидев на столе у старшего сына книгу «Смерть Цезаря», нашел историю Петра, раскрыл на странице, описывающей смерть царевича Алексея, и велел Кутайсову отнести наследнику⁵¹. Дело не ограничилось намеками. 11 марта в 8 часов Александр и Константин были приведены к повторной присяге на верность. Павел и Палену говорил о заговоре, требовал принять надлежащие меры, но поддавался лицемерным заверениям ближайшего вельможи.

Мемуары современников — единственный источник о событиях ночи на 12 марта 1801 года. Однако лишь один из авторов, Беннигсен, был не просто свидетелем, а участником разыгравшейся трагедии. Удивительные разночтения и противоречия, встречающиеся в мемуарах, объяснимы многочисленными слухами и сплетнями, циркулировавшими в обществе. Многим авторам казалась лестной сама принадлежность к кругу посвященных, и они, нимало не смущаясь, давали свое толкование ходу событий, ссылаясь на свидетельства крупных участников заговора.

В полночь заговорщики, в изрядном подпитии после ужина у П.А. Талызина, проникли в Михайловский замок, но до спальни Павла дошли лишь 10-12 человек. Воспоминания современников по-разному описывают императора в его последние минуты. Он деморализован, едва может говорить (по А.Ф. Ланжерону, А.Н. Вельяминову-Зернову, А. Чарторыскому, Э. фон Веделю), он сохраняет достоинство (по Саблукову) и даже встречает заговорщиков со шпагой в руке. Дальнейшие события той ночи мемуары рисуют также исключительно противоречиво. Большинство версий проанализировал Эйдельман⁵². Должно быть, никогда не удастся воспроизвести доподлинные события, отделив их от вымыслов. Вот один из множества вероятных вариантов.

В спальню первоначально проникли несколько заговорщиков. По данным фон Веделя, это Платон Зубов, Беннигсен и еще четверо офицеров; остальные подошли позднее. Беннигсен заявил, обращаясь к императору: «Вы арестованы». Эту же фразу повторил Зубов. Павел Петрович сухо ответил: «Арестован? Что же я сделал?» — и больше не произнес ни слова. К.Г. Гейкинг сообщает, что Зубов начал читать манифест об отречении Павла, но голос его дрожал и срывался. Беннигсен потребовал подписать бумагу. Павел, «кипя от гнева», отказался. Саблуков свидетельствует, что спор императора с Пла-

тоном Зубовым продолжался не менее получаса, пока рассвирепевший силач Николай Зубов не ударил Павла табакеркой в висок. Впрочем, сам Саблуков признавал, что есть и другая версия: государь первым ударил Зубова, а тот лишь ответил. Камердинер Зубова «прыгнул ногами на живот» Павла. Император отчаянно сопротивлялся. Аргамаков даже ударил его рукоятью пистолета по голове, а когда Павел пытался подняться, новый удар нанес Яшвилль. Падая, император расшиб голову о камин. Его душили шарфом, топтали ногами, рубили саблями (остались глубокие раны на руке и голове). Разгоряченные вином заговорщики глумились над трупом, Николай Зубов даже вынужден был их остановить. В качестве орудия убийства фигурируют чаще всего шарф офицера Скарятин (Яшвиля, Аргамакова, самого Павла) или табакерка Зубова. Но кто нанес смертельный удар — неясно. Видимо, прав фон Ведель, утверждая, что «многие заговорщики, сзади толкая друг друга, навалились на эту отвратительную группу, и, таким образом, император был задушен и задавлен, а многие из стоявших сзади очевидцев не знали в точности, что происходит»⁵³.

Установка на убийство, как уже говорилось, имела изначально. Пален, напутствуя заговорщиков, заявил: нельзя изжарить яичницу, не разбив яиц. Неясные свидетельства современников о том, что Павел должен был лишь подписать манифест о совместном правлении с Александром Павловичем, а в случае отказа подлежал заключению в Шлиссельбурге⁵⁴, лишь подтверждают тщательность подготовки заговора. Пален и другие организаторы понимали, что одно дело заставить дворянина участвовать в низложении «сумасшедшего» императора и совсем другое — в царубийстве. Манифест об отречении здесь был как нельзя кстати.

12 марта, когда объявлено было о смерти Павла I, в Петербурге началось ликование, которое мемуаристы толкуют как всеобщее (одного шампанского продано на 100 тыс. рублей). В восторгах по поводу смерти императора лишь немногие современники адекватно оценивали ситуацию. Вот что писал Воронцов своему сыну Михаилу в апреле 1801 г., когда до Лондона докатились слухи о восторгах по поводу воцарения Александра: «Они счастливы, как никогда, вырвавшись из величайшего рабства, и воображают теперь, что они добились свободы и забывают об ужасном деспотизме, под которым они должны трепетать... Если теперешний государь добр, то эти люди уверены, что они теперь действительно свободны, и не помышляют о том, что тот же человек может измениться характером или же иметь преемником тирана. И теперешнее состояние страны не более, как временное прекращение тирании. Наши соотечественники подобны римским рабам во время сатурналий, после которых они снова впадали в прежнее рабство»⁵⁵.

Воронцов был прав в своем пророчестве. Царствование Александра породило декабризм. Событие 14 декабря 1825 г. — более масштабное и судьбоносное явление, чем заговор и царубийство 11 марта 1801 г., знаменовавшее собой начало конца русской монархии. Тирания Александра была утонченнее деспотизма Павла, но от этого она не перестала быть таковой. Впрочем, прав был В.О. Ключевский, заметивший, что в обществе, утратившем чувство права, и такая случайность, как удачная личность монарха, могла сойти за правовую гарантию. Г.Р. Державин откликнулся на события марта 1801 г. торжественной одой на воцарение Александра Павловича: «Век новый! Царь молодой, прекрасный // Пришел днес к нам весны стезей. // Мои предвестия велегласны // Уже сбылись, сбылись судьбой. // Умолк рев Норда синоватый, // Закрылся грозный страшный взгляд, // Зефиры вспорхнули крылаты // На воздух веют аромат».

Эти строфы претендовали на то, чтобы передать общее впечатление от весны 1801 года. Думается, однако, что масштаб ликований по поводу смерти Павла Петровича сильно преувеличен современниками. Городские обыватели, солдаты петербургского гарнизона с безразличием отнеслись к воцарению Александра, по крайней мере в марте. Солдаты Преображенского полка отказались кричать «Ура!», когда им представили нового императора, а

конногвардейцы — присягать, пока не увидят мертвое тело. Даже офицеры Конногвардейского полка с презрением отзывались о подобных восторгах, на этой почве возникло несколько дуэлей. Саблуков писал: «12 марта наглядно показало все легкомыслие и пустоту придворной и военной публики того времени»⁵⁶. Лишь немногие из ближайшего окружения покойного императора да его личные слуги сохранили благодарную память о нем. Бывший кастелян Михайловского замка И.С. Брызгалов более 30 лет не снимал придворную ливрею, которую носил при Павле: малиновый мундир, шире и длиннее всякого сюртука, с золотыми позументами, бахромой и кистями⁵⁷. Граф Н.П. Шереметев так и не смог расстаться с косой (ношение которой отменил Александр I), пока не навлек на себя неудовольствие нового государя⁵⁸.

12 марта был обнародован манифест, написанный Д.П. Троицким. Император Александр Павлович обещал править «по уму и сердцу» августейшей бабки своей, Екатерины II. Тем самым царствование Павла I предавалось забвению, как бы вычеркивалось из российской истории. Манифест положил начало традиции, окружавшей своеобразным заговором молчания не только царевичество и самую личность Павла Петровича, но и его недолгое царствование.

Примечания

1. Людовик XVIII в России. — Русский архив, 1877; ВЮРТЕМБЕРГСКИЙ Е. Юношеские воспоминания принца Е. Вюртембергского. — Там же, 1878; ЕГО ЖЕ. Достоверный рассказ о моих приключениях в 1801 г. В кн.: Время Павла и его смерть. М. 1903; ТУРГЕНЕВ А.М. Записки. — Русская старина, 1885, № 9—10; ДАШКОВА Е.Р. Записки. СПб. 1907; Из записок майора фон Веделя. В кн.: Цареубийство 11 марта 1801 г. СПб. 1908; ТУЧКОВ А.С. Записки. СПб. 1908; ВИГЕЛЬ Ф.Ф. Записки. Т. 1. М. 1926; ГРЕЧ Н.И. Записки о моей жизни. М.-Л. 1930.
2. ГЛАГОЛИН Б.С. Образ императора Павла. СПб. 1914, с. 14.
3. ШИМАН Т. К истории царствования Павла I. Берлин. 1906; ШУМИГОРСКИЙ Е.С. Император Павел I. СПб. 1907; БРИКНЕР А.Г. Смерть Павла I. СПб. 1907; НАЗАРОВСКИЙ В.В. Царствование императора Павла I и походы Суворона в Италию и Швейцарию. М. 1910; МОРАН П. Павел I до восшествия на престол. М. 1912; КОРНИЛОВ А.А. Курс истории России XIX в. М. 1912; ЛЮБОВСКИЙ М.К. Царствование императора Павла I. В кн.: Три века. Т. 5. М. 1913; УСПЕНСКИЙ Д.И. Россия в царствование Павла I. Там же; ВАЛИШЕВСКИЙ К.Ф. Сын Великой Екатерины. СПб. 1914; ПЛАТОНОВ С.Ф. Лекции по русской истории. СПб. 1915.
4. См., например: ЛЮТШ А. Русский абсолютизм XVIII в. М. 1910.
5. БАРСКОВ Я.Л. Россия в 1801 г. М. 1903, с. 30.
6. ПОРШНЕВ Б.Ф. Социальная психология и история. М. 1979, с. 117.
7. БОКОВА В.М. Переворот 11 марта 1801 г. и русское общество. — Вестник МГУ. Сер. История, 1987, № 4, с. 44.
8. ОКУНЬ С.Б. Борьба за власть после дворцового переворота 1801 г. В кн.: Вопросы истории России XIX — начала XX в. Л. 1983, с. 3; МАРГОЛИС Ю.Д. Окунь Семен Бенцианович. СПб. 1993, с. 22—23.
9. ВОЗНЕСЕНСКИЙ С.В. Разложение крепостного хозяйства и классовая борьба в России в 1800—1860 гг. М. 1932, с. 78.
10. КОЦЕБУ А. История заговора, который 11 марта 1801 г. лишил императора Павла престола и жизни, с изложением разных других относящихся к тому происшествий и анекдотов. СПб. Б.г. с. 42.
11. ШУМИГОРСКИЙ Е.С. 1800 год. — Русская старина, 1913, т. 153, с. 47—49.
12. Донесения Уитворта, хранящиеся в Лондонском государственном архиве, опубликованы В. Александренко (Император Павел I и англичане (извлечения из донесений Уитворта). — Русская старина, 1898, т. 96).
13. Павел в письме к Воронцову от 13 апреля 1800 г. указывал: «Находя по малому числу настоящих дел, что присутствие ваше в Англии не совсем может быть нужно, позволяю вам употребить сие время на исправление здоровья вашего, для чего и отправляйтесь вы к водам на континент» (Император Павел I графу С.Р. Воронцову (копии писем). — Русский архив, 1912, кн. 3, стб. 401).
14. Император Павел I и англичане, с. 100—101.

15. О том, как ненавистна была Англии эта поддержка, оказанная США в войне за независимость, позволяет судить реляция из Лондона Воронцова Екатерине II, относящаяся к 1790 г.: «Еще и по сие время никто здесь не говорит о сих правилах вооруженного нейтралитета без совершенной злобы и невероятного негодования. Министерства, оппозиция, все морские офицеры — одним словом, вся земля попрекает за это Россию» (Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Материалы. Т. 2. Варшава. 1897, с. 247).
16. Записка гр. Ф.В. Ростопчина о политических отношениях России в последние месяцы павловского царствования (Русский архив, 1878, № 1, с. 104—105).
17. Император Павел I и англичане, с. 104.
18. Русский архив, 1875, кн. 1, с. 10; Духовность русской культуры. Омск. 1994, с. 279—282; Россия и Восток: история и культура. Омск. 1997, с. 52—56.
19. Император Павел I и англичане, с. 106.
20. Письма гр. Ф.В. Ростопчина к гр. С.Р. Воронцову. — Русский архив, 1876, кн. 3, стб. 424.
21. ШУМИГОРСКИЙ Е.С. 1800 год, с. 51.
22. Архив князей Воронцовых. Т. 9, с. 109.
23. ЛЕОНТЬЕВ М. Мои воспоминания, или События в моей жизни. — Русский архив, 1913, № 9. Стб. 319.
24. ТУРГЕНЕВ А.М. Записки. — Русская старина, 1885, № 10, с. 320.
25. См.: Цареубийство 11 марта 1801 г.; Время Павла и его смерть; Цареубийство, или история смерти Павла Первого. М. 1910; Убийство императора Павла I. Ростов-на-Дону. 1914.
26. См. подробнее: ОКУНЬ С.Б. Дворцовый переворот 1801 г. в дореволюционной литературе. — Вопросы истории, 1973, № 11.
27. САФОНОВ М.М. Проблемы реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII—XIX вв. Л. 1988, с. 37—38.
28. ПОКРОВСКИЙ М.Н. Павел Петрович. В кн.: История России в XIX в. М. 1908.
29. ОКУНЬ С.Б. История СССР, Ч. 1, Л. 1974, с. 122.
30. ГЕРЦЕН А.И. Полн. собр. соч. и писем. Т. 20. М. 1923, с. 215.
31. МЕРЕЖКОВСКИЙ Д.С. Собр. соч. Т. 3. М. 1990.
32. ШУМИГОРСКИЙ Е.С. 1800 год, с. 270.
33. БЕРТИ Дж. Россия и иностранные государства в период Рисорджименто. М. 1959, с. 244.
34. Цит. по: ДАЛИН В.М. Александр I, Лагарп и французская революция. В кн.: Французский ежегодник. 1984, с. 144.
35. ШУМИГОРСКИЙ Е.С. 1800 год, с. 226.
36. Российский государственный исторический архив, ф. 1117, оп. 1, д. 57, л. 92.
37. ЭЙДЕЛЬМАН Н.Я. Грань веков. М. 1996, с. 206—207.
38. Из записок графа Ланжерона. В кн.: Цареубийство 11 марта 1801 года, с. 135—136.
39. ШУМИГОРСКИЙ Е.С. 1800 год, с. 229.
40. См. подробнее: ШУМИГОРСКИЙ Е.С. Императрица Мария Федоровна. Т. 1. СПб. 1892.
41. Письмо императрицы Марии Федоровны к С.И. Плещееву. — Русский архив, 1869, стб. 1952—1953.
42. Император Павел I и англичане, с. 105.
43. Записки генерала Н.А. Саблукова о временах императора Павла I и о кончине этого государя. Лейпциг. 1902, с. 119.
44. ВИГЕЛЬ Ф.Ф. Записки. Т. 1. М. 1926, с. 123.
45. См. подробнее: Проблемы методики исторических наук. Омск. 1992, с. 61—89.
46. ЭЙДЕЛЬМАН Н.Я. Ук. соч., с. 327—340.
47. ОКУНЬ С.Б. Борьба за власть после дворцового переворота.
48. Из записок графа Ланжерона, с. 133.
49. Цареубийство 11 марта 1801 г., с. 370—372.
50. Там же, с. XXV.
51. Цареубийство 11 марта 1801 г., с. 225.
52. ЭЙДЕЛЬМАН Н.Я. Ук. соч., с. 305—326.
53. Цареубийство 11 марта 1801 г., с. 169.
54. Там же, с. 166.
55. Архив князей Воронцовых. Кн. 17. М. 1880, с. 6.
56. Записки генерала Н.А. Саблукова, с. 165.
57. ВИГЕЛЬ Ф.Ф. Ук. соч. Т. 1, с. 122.
58. ШЕРЕМЕТЕВ С. Из преданий о графе Н.П. Шереметеве. — Русский архив, 1896, стб. 508.